

Николай Андреевич Белоголовый

**Из воспоминаний сибиряка о
декабристах**

Николай Белоголовый

**Из воспоминаний
сибиряка о декабристах**

«Public Domain»

1890

Белоголовый Н. А.

Из воспоминаний сибиряка о декабристах / Н. А. Белоголовый — «Public Domain», 1890

«В один светлый майский день 1842 года отец за обедом обратился к старшему моему брату Андрею и ко мне со словами: «Сегодня после обеда не уходите играть во двор; мать вас оденет, и вы поедете со мной». Отец не объяснил, куда он хочет везти нас; мы же, в силу домашней субординации, расспрашивать не смели, а потому наше детское любопытство было очень возбуждено. Старшему брату было в это время 10 лет, а мне 8; жили мы в Иркутске в своей семье, состоявшей, кроме отца, матери и нас, еще из двух меньших братьев; учились мы дома, и для занятий с нами являлся ежедневно какой-то скромный и угреватый канцелярист, а так как мы оба были мальчики прилежные и способные, то программа элементарного обучения, какую мог дать наш учитель, была исчерпана, и старший брат начал уже ходить в гимназию, и отец поговаривал, что пора и меня отдать туда же...»

Содержание

I	5
II	8
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Андреевич Белоголовый

Из воспоминаний сибиряка о декабристах

I

В один светлый майский день 1842 года отец за обедом обратился к старшему моему брату Андрею и ко мне со словами: «Сегодня после обеда не уходите играть во двор; мать вас оденет, и вы поедете со мной». Отец не объяснил, куда он хочет везти нас; мы же, в силу домашней субординации, расспрашивать не смели, а потому наше детское любопытство было очень возбуждено. Старшему брату было в это время 10 лет, а мне 8; жили мы в Иркутске в своей семье, состоявшей, кроме отца, матери и нас, еще из двух меньших братьев; учились мы дома, и для занятий с нами являлся ежедневно какой-то скромный и угреватый канцелярист, а так как мы оба были мальчики прилежные и способные, то программа элементарного обучения, какую мог дать наш учитель, была исчерпана, и старший брат начал уже ходить в гимназию, и отец поговаривал, что пора и меня отдать туда же. Отец мой был купец, далеко не богатый, очень деятельный, замечательно умный и не останавливавшийся ни перед какими жертвами, чтобы доставить нам наивозможно лучшее образование, что было тогда в Иркутске крайне трудной, почти неисполнимой задачей.

Когда мы, вымытые, приглаженные и одетые в наше лучшее платье, уселись на долгушу (длинные безрессорные дрожки, которые, кажется, и до сих пор в большом употреблении в Сибири), запряженную парой сытых лошадок, и быстро покатали по городу, то отец стал объяснять нам, что везет нас в деревню Малая Разводная, к декабристам Юшневским, у которых мы начнем учиться и для этого скоро совсем переберемся на житье к ним; просил нас, как водится, держать себя умниками и не ударить лицом в грязь, если нас сегодня же вздумают проэкзаменовать. Мы были еще так юны и неопытны, что название «декабристы» не имело для нас решительно никакого смысла, а потому мы с самым невинным любопытством ждали предстоящего свидания.

Деревушка Малая Разводная лежит всего, в 5 верстах от Иркутска, причем дорога вначале версты три идет по Забайкальскому тракту, а потом сворачивает вправо по узкому проселку, поросшему по бокам молодым, корявым березняком, и приводит к названной деревушке, заключавшей в себе тогда домов 25 или 30. Мы миновали несколько вытянутых в улицу крестьянских домов и подъехали к тесовым воротам, а через них попали в довольно обширный двор, среди которого стоял небольшой одноэтажный домик Юшневских, обращенный главным фасадом на Ангару, протекавшую под крутым обрывом, на котором была раскинута деревушка.

К сожалению, память мне изменяет, и я смутно вызываю в себе только немногие подробности этого первого приезда нашего в М. Разводную. Отца моего везде встречали с большим уважением; кроме природного ума, он обладал редкою начитанностью, был превосходный рассказчик, много видал на своем веку, так как по торговым делам должен был каждое лето совершать поездку в Нижний, Москву и часто вплоть до Петербурга; эти постоянные поездки особенно способствовали его сближению с декабристами, потому что он доставлял контрабандные письма и посылки от них к родным, и наоборот, и нередко выступал в многообразных делах устным посредником между ссыльными и их знатными столичными родственниками. Поэтому прием нам сделан был самый радушный; Юшневские, особенно муж, расспрашивали брата и меня о наших занятиях, но формальному экзамену, кажется, нас не подвергали. Помню одно, как общее впечатление этого визита, что Юшневский как-то сразу покорила наши детские

сердца и что на обратном пути мы с братом находились в восторженном настроении от мысли, что поступаем на руки к такому прекрасному учителю.

У Юшневских мы пробыли недолго, ибо отцу, к немалому нашему удивлению, надо было сделать в этой крохотной деревушке целый ряд визитов. Сначала Юшневский повел нас в соседний дом, двор которого прилегал к двору Юшневского и был отделен частоколом, в котором была прорезана калитка. Здесь в небольшом доме с мезонином, стоявшем также среда двора, проживал другой декабрист – Артамон Захарович Муравьев. Это был чрезвычайно тучный в необыкновенно веселый и добродушный человек; смеющиеся глаза его так и прыгали, а раскатистый, заразительный хохот постоянно наполнял его небольшой домик. Кроме ласковости и веселых шуток, он нас расположил к себе, помню, еще и оригинальным угощением; сидя по-турецки с сложенными ногами на широком диване, он нам скомандовал: «Ну, теперь, дети, марш вот к этому письменному столу, станьте рядом против правого ящика; теперь закройте глаза, откройте ящик, запускайте в него руки и тащите, что вам попадет». Мы исполняли команду в точности, по мере того, как она производилась, и объемистый ящик оказался доверху наполненным конфетами. Как видно, он сам был охотник до сладкого, и вообще, как я узнал впоследствии, любил поесть и пользовался репутацией тонкого гастронома.

На этом же дворе у ворот стояла еще небольшая крестьянская изба с окнами, выходившими на деревенскую улицу, и в ней помещались декабристы – два брата Борисовы; отец прошел с нами и к ним. Старший брат, Петр Иванович, был необыкновенно кроткое и скромное существо; он был невысокого роста, очень худощав; я до сих пор не могу позабыть его больших вдумчивых глаз, искрившихся безграничной добротой и прямотушием, его нежной, привлекательной улыбки и тихой его речи. Он представлялся совершенною противоположностью только что оставленному нами А. З. Муравьеву: насколько последний был шумен, неудержимо весел и экспансивен, настолько первый казался тих, даже застенчив в разговоре и во всех своих движениях, и какая-то сосредоточенная, глубоко засевшая на душе грусть лежала на всем его существе. О П. И. Борисове мне придется говорить еще не раз, так как он вскоре сделался также нашим наставником. Жил он вместе со своим братом Андреем Ивановичем, у которого развилась в ссылке психическая болезнь, что-то вроде меланхолии; он чуждался всякого постороннего человека, тотчас же убегал в другую комнату, если кто-нибудь заходил в их избушку, и Петр Иванович был единственным живым существом, которое он допускал до себя и с которым свободно мог разговаривать – и взаимная привязанность этих братьев между собой была самая трогательная. Из России они ни от кого помощи не получали и жили скудно на пособие от товарищей-декабристов; кроме того, П. И. зарабатывал ничтожные крохи рисованием животных, птиц и насекомых и был в этом искусстве, не находившем в то время почти никакого спроса в России, тонким мастером. А. И. тоже не оставался без дела: он научился переплетному ремеслу и имел небольшой заработок.

Но этим визиты наши еще не кончились, и от Борисовых мы перешли через улицу еще в одну крестьянскую избу, где жил декабрист Якубович. Странное дело! Когда недели через две мы сделались совсем обитателями Малой Разводной, мы Якубовича там, кажется, уже не застали; то ли я забыл, то ли за этот короткий промежуток он переселился в другое место¹, только мне помнится, что я его видел всего один раз, и тем не менее его внешность сильно врезалась в мою детскую память: это был высокий, худощавый и очень смуглый человек, с живыми черными глазами и большими усами; все движения его были полны живости и энергии; детей, видно, он очень любил, потому что тотчас же занялся с нами с великой охотой и, будучи большим любителем живописи, скоро и бойко нарисовал карандашом два рисунка и подарил нам каждому на память. Наконец, от Якубовича мы поехали домой – и тут дорогой отец старался

¹ Впоследствии из печатных источников я узнал, что Якубович жил на поселении в Усолье, верстах в 60-ти от Иркутска, и, вероятно, временно находился в Малой Разводной, приехав навестить своих товарищей.

нам объяснить, какого рода людей мы посетили, и хотя главное в его словах оставалось для нас темным, но мы теперь уже с большим смыслом отнеслись к названию «декабристы» и связали его с определенным типом наших новых знакомцев; так картинки в книге часто объясняют ребенку многое, что в прочитанном тексте оказалось выше детского понимания. Все вместе, и наши личные приятные впечатления, полученные от недавних знакомцев, и теплый, симпатичный тон, с которым отзывался о них отец, сразу вызвали в наших восприимчивых сердцах благоговейное уважение к этим таинственным людям, которое потом росло с нашим ростом и крепло по мере того, как мы более и более входили в их круг.

II

Последующие дни у нас совсем были поглощены сборами отца и матери в Россию. Отъезды отца были в семье делом обычным; каждый год в мае или июне он отправлялся по делам в Петербург, Москву или только на нижегородскую ярмарку и возвращался домой осенью в последних числах сентября, а мы в его отсутствие переходили под исключительную и менее суровую команду матери. Возвращение отца было всегда большим событием в доме; он не только привозил нам новые игрушки и подарки, но чуть ли не первый знакомил Иркутск с разными новинками и открытиями, которые только что появлялись тогда в Европейской России; так, я помню, как в один из своих приездов в 40 годах он привез фосфорные спички, которым суждено было как быстро вытеснить общеупотребительные до того «серячки»; в другой раз – стеариновые или, как их называли тогда, по имени первого петербургского фабриканта «каллетовские» свечи, которые, не знаю, как теперь, но в 60-х годах еще не могли изгнать из употребления дешевые сальные свечи; в третий – первые папиросы только что открытой в Петербурге фабрики Морне и Кадош, с деревянными мундштуками и т. п.

В описываемое мною лето мать вздумала и сама съездить в первый раз посмотреть Петербург и Москву, оставивши нас, двух старших детей, на житье и ученье у Юшневских, а двух младших – дома, на попечении старой бабушки, жившей у нас постоянно. Мать, впервые покидавшая детей и дом для такого дальнего путешествия, волновалась, плакала, баловала нас больше обыкновенного. В доме за несколько дней до отъезда началась суета; в комнатах раскинуто было несколько мягких чемоданов, на столах, на стульях лежало платье, белье и разные завернутые в бумагу предметы, ожидавшие своей очереди, чтобы войти в утробу пузатых чемоданов; на дворе под навесом появился объемистый тарантас казанской работы; мы, дети, охваченные общею суматохою, шмыгали везде между свертками, залезали в тарантас и совали свой нос всюду, вызывая нередко на себя окрики старших. Лихорадочное время это пролетело быстро, отец и мать наконец уехали, а нас в день их отъезда перевезли, к Юшневским, и для нас началась совершенно новая жизнь в этой чужой семье.

Ранее нас еще был помещен на воспитание к Юшневским мальчик лет 12-ти, сын разбогатевшего крестьянина, по фамилии Анкудинов. Поместил его к Юшневскому не отец, самый ординарный кулак из мужиков и притом горький пьяница, а дядя, тоже крестьянин, но на редкость умный и предприимчивый, и состояние Анкудиновых принадлежало ему и было нажито на почтовой гоньбе. Этот дядя имел в Иркутске большой дом, носил городской костюм, с трогательным благоговением относился к образованию и горячо мечтал сделать из своего племянника и единственного наследника – по возможности образованного человека. Он беспрестанно заезжал в Малую Разводную, чтобы справиться об успехах своего питомца; но мальчик выдался не из способных, рос до тех пор в семье, мало чем ушедшей от крестьянства, отлично знал все полевые работы и уже много в них практиковался; книга его нисколько не интересовала, а его тянуло из классной комнаты в лес, на пашню и особенно к лошадям, до которых он был страстный охотник, так как дядя держал их целые табуны для почтовой гоньбы. Поэтому не только ученье, а даже и внешний лоск очень туго прививались к мальчику, и он, по прошествии года и к великому огорчению дяди, оставался все тем же маленьким мужичком, с мужицким складом речи и грубыми хватками, как ни старалась его отучить от них и сама Юшневская. Я слышал, как Юшневский в разговоре с кем-то о безуспешности своей вышлифовать Анкудинова, раз выразился так: «Да, из редьки трудно сделать мороженое». И действительно, так-таки Юшневский с ним ничего и не добился. Не могу сказать наверное, оставило ли какой-нибудь нравственный след воспитание Юшневского на нашем товарище, потому что потом я потерял его совсем из виду, а когда, много лет спустя, я, в качестве врача, увидел его однажды уже 30-летним человеком, главой семьи и всего обширного хозяйства умершего дяди, то он

ни житейскими взглядами, ни всей обстановкой своей жизни, ничем не отличался, как мне показалось, от заурядного зажиточного мужика. Случайно и болезнь, ради которой я к нему был позван, развилась как следствие алкоголизма, унаследованного им от своего отца. Когда же мы с ним познакомились у Юшневских, то по натуре это был мальчик добрый, а потому мы с ним сошлись и прожили все время вместе очень дружно.

Как ни резок был для нас переход из теплого родного гнезда, от шума большой семьи и городской жизни – в тихий деревенский домик пожилой четы, однако мы с ним как-то скоро освоились и не очень скучали. Вероятно, этому способствовал прежде всего сам Юшневский, который так умело и тепло взялся за нашу дрессировку, что мы не только сразу ему подчинились, но и привязались к нему со всею горячностью нашего возраста. К сожалению, я был слишком ребенок тогда, чтобы теперь с возможными подробностями обрисовать выдающуюся личность Юшневского, склад его жизни и отношение его к окружающей обстановке, а потому невольно должен ограничиваться только смутными воспоминаниями, которые у меня сохранились, причем все крупное и рельефное проходило для меня незамеченным, а врезывались в памяти все такие впечатления, которые более были доступны моему детскому пониманию.

III

В небольшом своем домике, состоявшем из 4-х и самое большее, из 5 комнат, Юшневские отвели для нас одну, выходившую окнами на двор; она нам служила и спальнею и учебною. Алексею Петровичу – так звали Юшневского – было тогда за 50 лет; это был человек среднего роста, довольно коренастый, с большими серыми навывкате и вечно серьезными глазами; бороды и усов он не носил и причесывался очень оригинально, зачесывая виски взад и вверх, что еще более увеличивало его и без того большой лоб. Ровность его характера была изумительная; всегда серьезный, он даже шутил не улыбаясь, и тем не менее в обращении его с нами мы постоянно чувствовали, хотя он нас никогда не ласкал, его любовное отношение к нам и добродушие. На уроках он был всегда терпелив, никогда не поднимал своего голоса, несмотря на то, что Анкудинов своею тупостью нередко задавал пробу этому неистощимому терпению. Только однажды за все время он вспыхнул и крикнул на нас, а потому, вероятно, этот единственный случай так и врезался в моей памяти. Как-то раз после обеда мы втроем пошли играть в огород, спускавшийся перед домом по откосу к Ангаре; от нее огород отделялся забором с небольшою калиткою, через которую нам запрещено было выходить на берег, чтобы как-нибудь по неосторожности не свалиться в стремительно несущуюся реку. На этот раз что-то соблазнило нас нарушить запрещение, но только что мы стали возиться около калитки, чтобы отодвинуть тугую задвижку, как А. П., увидав из окна, чем мы занимаемся, крикнул нам: «Зачем вы это делаете, дети? Оставьте калитку в покое!» – и мы тотчас отошли, но когда через несколько минут заметили, что А. П-ча не видно более в окне, снова принялись за ту же работу и, открыв наконец калитку, готовились выскочить на берег; вдруг из окна раздался тот же голос, на этот раз гневный и повелительный: «Как же вы это не слушаетесь? Марш сейчас же в комнаты!» Мы повиновались, и А. П. встретил нас сердитый в передней, горячо распек за непослушание и в наказание приказал нам тотчас же идти в свою комнату. Нас очень смутил этот необычный с его стороны окрик, и мы, робко прокравшись к себе, стали только что рассуждать о постигшей нас беде, как через минуту или две дверь отворилась и А. П., спокойный и ласковый, как всегда, вошел к нам и весело спросил: «Ну, дети, кто из вас скажет, как пишется „несколько“, через *ять*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.